

18+

ЕВГЕНИЙ
ГОРЛЕНКО

НЕ
УЧИ
МЕНЯ
УМИРАТЬ

Евгений Горленко

НЕ УЧИ МЕНЯ УМИРАТЬ

«Издательские решения»

Горленко Е.

НЕ УЧИ МЕНЯ УМИРАТЬ / Е. Горленко — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он — судья. За его плечами десять лет вынесенных приговоров. Но однажды, глядя в глаза подсудимому, он видит не чужого человека — а себя. Так начинается путешествие в прошлые жизни, в которых он был несправедливо осуждённым крестьянином, разорившейся наследницей и выгоревшим врачом. «Не учи меня умирать» — это не о смерти. Это о том, как научиться жить. Честно. По-настоящему. Пока не поздно.

© Горленко Е.

© Издательские решения

Содержание

ЕВГЕНИЙ ГОРЛЕНКО	6
НЕ УЧИ МЕНЯ УМИРАТЬ	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ	9
Глава 1. Тихая жизнь до грозы	9
Глава 2. Смерть отца и первые заботы	11
Глава 3. Ядвига	13
Глава 4. Свадьба	15
Глава 5. Строительство нового дома	17
Глава 6. Первый ребёнок	19
Глава 7. Будни с детьми	22
Глава 8. Роковой вечер	24
Глава 9. Арест	25
Глава 10. Суд	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

НЕ УЧИ МЕНЯ УМИРАТЬ

Евгений Горленко

Дизайнер обложки Евгений Валерьевич Горленко

© Евгений Горленко, 2026

© Евгений Валерьевич Горленко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5761-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕВГЕНИЙ ГОРЛЕНКО

НЕ УЧИ МЕНЯ УМИРАТЬ

«Не учи меня умирать» — это не про смерть. Это про жизнь. И про то, как остаться человеком.

ПРОЛОГ

Ровно в десять утра я вошёл в зал судебных заседаний. Мантия сидела на плечах привычной тяжестью, молоток лежал на столе справа, хотя за более чем десять лет я им так ни разу не пользовался. Он для меня как декорация. Секретарь объявила: «Встать, суд идёт!» Я кивнул, предложил присаживаться и сам сел в кресло. В руках у меня был один том уголовного дела, который я положил на стол перед собой. Кража. Рецидивист, не первой свежести. Ничего особенного.

Подсудимый поднялся со скамьи. Невысокий, в серой куртке, щетина, взгляд исподлобья. В ходе заседания была установлена его личность, проведён начальный этап судебного производства. Перейдя к судебному следствию, я уже приготовился дать возможность прокурору огласить обвинение, как вдруг увидел глаза подсудимого. Когда наши взгляды встретились, у меня похолодели пальцы.

Он смотрел на меня без той привычной злобы, без страха, даже без надежды. Он смотрел так, будто мы уже встречались. И не вчера, не в этом году. Будто я сам когда-то стоял на его месте.

По залу прошёл гул — кондиционер, шаги конвоя, шёпот секретаря. А я не мог вымолвить ни слова. В горле встал ком. Перед глазами на секунду поплыло — и вместо этого мужика в серой куртке я увидел себя. Себя в тюремной робе, с вязаными тапочками на босу ногу. Себя, который шепчет: «Я не делал этого, вы ошиблись». Но голос заглушает удар молотка.

Я моргнул — видение исчезло.

Сердце колотилось где-то в рёбрах. Я заставил себя выдохнуть и медленно, очень медленно посмотрел на том уголовного дела на столе. Бумаги были белыми, буквы — чёрными. Обычное дело. Подсудимый сидел на месте и ждал.

— Прокурор, изложите обвинение — сказал я севшим голосом.

— Подсудимый, признаёте ли вы себя виновным?

Он молчал три секунды. Потом ответил:

— Нет, ваша честь. Я не крал.

И в этот момент я понял, что не смогу вынести решение. Не сегодня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Глава 1. Тихая жизнь до грозы

Залесье просыпалось затемно. Первыми кричали петухи — нестройно, с надрывом, будто их резали. За ними — собаки, лениво, без злобы. Потом отодвигались засовы, скрипели двери, и по деревенской улице, утопающей в жидкой грязи, шли люди к колодцу, к хлевам, к полям.

В мазанке на отшибе, где каждую весну надо было замазывать стены новой глиной, 15 мая 1864 года родился мальчик. Роды принимала бабка Агата — кривая, с бородавкой на носу, но руки у неё были лёгкие. Она перерезала пуповину ножницами, которые перед этим облила чистой водой, зашептала молитву, сплюнула через левое плечо и сказала матери:

— Будет жить. Крепкий. Упрямый.

Мать, Катажина, улыбнулась — впервые за сутки схваток. Она была худая, с провалившимися щеками, но глаза горели: сын, наконец-то сын. Бог услышал.

Назвали Войцехом. В честь деда, который погиб в восстании. Ксёндз Лонгин, крестивший младенца в костёле на холме, долго плескал воду, мазал маслами, читал молитвы гулким басом, а потом сказал отцу, Казимежу:

— Войцех — хорошее имя. Воин. Пусть растёт сильным.

Казимеж, невысокий, с красным обветренным лицом, кивнул и подал Ксёндзу трёх кур — плату за таинство. Ксёндз взял, не поморщившись. В Залесье платили кто чем мог: яйцами, салом, иногда — деньгами, если они водились.

Детство Войцеха было голодным. Не потому, что мать с отцом не старались, а потому, что земля не рожала. Глинистая, кислая, со ржавыми пятнами на низинах. Казимеж пахал на пана Сенявского, а свой клочок земли обрабатывал по ночам при луне. Еле хватало, чтобы не умереть.

Войцех помнил, как впервые попробовал сало — ему было шесть лет. Сало привезла из города бабка, приехавшая погостить. Он жевал его медленно, прикрыв глаза, и думал, что вкуснее ничего нет на свете. Хлеб, который пекла мать, был чёрным, тяжёлым, пахнущим кислым тестом. Картошку ели в мундирах, потому что чистить было некогда и жалко — шкурка даёт сытость.

Бедность не была унижением, она была воздухом. Все вокруг жили так же. Латанные штаны, дырявые крыши, общая корова на три двора. Зато травы в июле стояли выше головы, и в них пели жаворонки так, что сердце замирало. А зимой, когда выпадал снег, Войцех с другими мальчишками лепили бабу из снега и сбивали её шапками.

Учиться грамоте Войцех начал в десять лет — поздно, потому что сначала надо было помогать по хозяйству. Пан Завада, дьячок, брал учеников за шесть яиц в неделю. Войцех носил яйца в корзинке, прикрыв тряпицей, чтобы не разбились. Завада был старым, забывчивым, но азбуку помнил твёрдо. Он учил читать по слогам: «Воз-лю-би ближ-не-го сво-е-го». Войцех тыкал пальцем в буквы, напрягал глаза и часто путал «ш» и «щ». Завада бил его указкой по пальцам: «Не спи, будущий мужик!».

Будущий мужик не обижался. Он знал, что пан Завада прав.

В пятнадцать лет Войцех стал зарабатывать сам. Пан Сенявский — толстый, с багровым лицом и седыми баками — нанимал батраков на лето: косить, убирать снопы, молотить цепами. Войцех пришёл к пану, низко поклонился и сказал: «Возьмите, пане. Я сильный».

Высокий, сутулый дядька — оглядел парня с ног до головы. Широкие плечи, длинные руки, на ладонях — мозоли от детской работы. Он сплюнул на землю, вытер губы рукавом и кивнул:

— Будешь получать два гроша в день и харчи. Вставай затемно, не ленись, не воруй. Воров — бьём плетью.

Войцех не воровал. Он выходил в поле затемно, когда роса ещё лежала на траве, и косил без передышки до полудня. Коса в его руках пела — ровно, звонко, переливаясь на солнце. К концу дня спина немела, пальцы на ногах сводило судорогой, но он терпел. Два гроша в день — это уже деньги. Можно откладывать на сапоги.

В шестнадцать лет он впервые пошёл на ярмарку в уездный город. Шёл пешком шесть часов, ноги стёр в кровь, но не жаловался. На ярмарке продавали всё: лошадей, свиней, глиняную посуду, лапти, медные крестики, леденцы на палочках. Войцех купил матери платок — белый, с красными цветами. Когда дарил — у неё на глазах навернулись слёзы.

Домой возвращался затемно, в лесу заблудился, но вышел к реке и пошёл вдоль берега. Ночью увидел волка — тот стоял на пригорке, смотрел жёлтыми глазами, но не тронул. Войцех перекрестился и подумал: «Это знак. Бог хранит».

В восемнадцать лет он выучился плотничать. Сосед, старый Томаш, брал его в помощники чинить телеги, двери, ставить латки на крышах. Войцех был неловким сначала: молотком бил мимо, стамеску держал криво. Томаш ругался, драл за уши, но учил. Через какое-то время Войцех уже сам мог сколотить простой стол или починить плуг.

Двадцать лет от роду. Он впервые посмотрел на девушку. Её звали Марыся, она была дочерью кузнеца — круглолицая, с русыми косами до пояса. Войцех провожал её от колодца до дома пять раз, но так и не решился заговорить. Марыся смеялась, дразнила его «тихоней», а потом вышла замуж за кузнеца из соседней деревни. Войцех немного расстроился, но понял, где-то в глубине души, что не его это судьба.

Глава 2. Смерть отца и первые заботы

Это случилось в июле, в самый разгар жатвы. Солнце стояло так высоко, что тени прятались под ноги. Воздух дрожал над рожью, пахло мёдом и полынью.

Отец и сын работали молча. Казимеж сёк косой, Войцех подгребал сено в валки. Уже к полудню у Казимежа лицо стало серым, губы посинели. Он часто останавливался, хватался за грудь, но ничего не говорил.

— Отдыхай, отец — сказал Войцех. — Я один доделаю.

— Ладно — прохрипел Казимеж. — Пойду воды попью.

Он сделал несколько шагов к краю поля, где стояла фляга. И вдруг осел, как мешок. Войцех не сразу понял. Сначала подумал: отец сел передохнуть. Но Казимеж упал лицом в траву и не шевелился.

Войцех подбежал, перевернул отца. Глаза Казимежа были открыты, но не моргали. Дыхания не было.

— Отец... Батя!

Тишина. Только кузнечики стрекотали, да жаворонок пел высоко в небе.

Войцех прижал ухо к груди отца — ни звука. Он попытался сделать искусственное дыхание, как учила знахарка, но ничего не вышло. Казимеж был мёртв.

Хоронили на третий день. Гроб сколотили из сосновых досок — быстро, потому что жара. Войцех сам обмыл отца, сам обрядил в чистую рубаху, сам положил в гроб, руки сложил крестом.

На кладбище собралась вся деревня. Бабы плакали, мужики стояли молча, сняв шапки. Ксёндз Лонгин служил панихиду, где на ветру, слова относил в сторону. Катажина, мать, голова так, что у Войцеха закладывало уши:

— Казимеж! На кого ты нас оставил? Как мы без тебя?

Войцех стоял у могилы, сжимал кулаки и не плакал. Ему казалось, что если он заплачет — отец уйдёт насовсем. А пока он держится — отец ещё рядом.

Когда гроб опустили в яму, Войцех бросил горсть земли. Земля была сухой, горячее, пахла пылью. Она глухо стукнулась о крышку.

— Вечная память — сказал ксёндз.

Люди разошлись. Остались только Войцех и мать. Она стояла на коленях у свежей могилы, уткнувшись лицом в траву. Войцех поднял её, обнял.

— Пойдём, мама.

— Я без него не могу — прошептала она.

— Можешь — сказал Войцех. — Я с тобой.

В доме всё осталось как при отце. Висела его куртка на гвозде, стояли сапоги у порога. Но самого отца не было. И эта пустота давила сильнее, чем любая тяжесть.

Катажина слегла через неделю. Не заболела — просто перестала вставать с печи. Лежала, укрывшись тулупом, и смотрела в потолок. Не ела, не пила, не говорила.

Войцех пытался её кормить с ложки — она отворачивалась. Поил настоем — выплёвывала. Соседка советовала позвать знахарку, но Катажина только рукой махнула: «Оставьте меня».

Войцех не знал, что делать. Он ухаживал за матерью, менял тряпки, когда её лихорадило, выносил судно. А ночами сидел рядом, держал её холодную руку и слушал дыхание — прерывистое, слабое. Он боялся, что она умрёт во сне. Поэтому почти не спал.

Катажина долго находилась в таком состоянии. Войцех работал за двоих: батрачил у пана, косил, пахал, рубил дрова. А после работы — ухаживал за матерью.

Он отошал, обветрил лицо. Плечи сгорбились. Но он не жаловался. Иногда, когда совсем не было сил, он выходил во двор, садился на завалинку и смотрел на поле. Там, где умер отец, теперь росла пшеница. Жизнь продолжалась.

К весне Катажина начала вставать. Сначала на час, потом на два. К лету уже выходила на крыльцо посидеть. Она сильно сдала — сгорбленная, с белыми волосами, с трясущимися руками. Но глаза уже не были пустыми.

— Сынок — сказала она однажды. — Женись. Пока я ещё жива, погляжу на внуков.

Войцех опешил.

— О чём ты, мама? Ты ещё поживёшь.

— Чувствую я — тихо сказала она. — Не много осталось. А ты один не оставайся. Одному — плохо.

Войцех хотел возразить, но мать подняла руку, и он замолчал.

— Найди хорошую девушку — продолжала Катажина. — Добрую, работающую. Обещай мне.

Войцех кивнул. В горле стоял ком.

— Обещаю, мама.

Той же зимой Войцех нашёл в сундуке старое письмо. Сложенный листок, пожелтевший от времени. Почерк отцовский — корявый, с ошибками.

«Катажина. Если я умру, не плачь. Я прожил хорошую жизнь. Сын у нас хороший. Пусть ничего не боится. Я знаю, что у него будет хорошая, крепкая семья. Я буду за него молиться».

Войцех перечитал несколько раз. Потом спрятал обратно. Матери он о письме не сказал — незачем беречь рану. Но сам понял: отец знал, что умрёт. И ушёл спокойно, потому что верил — сын не пропадёт.

Войцех вышел на крыльцо, посмотрел на зимнее поле. Белое, пустое. Но под снегом спала земля. Весной она проснётся. Как и он. Как и мать.

Жизнь продолжается.

Глава 3. Ядвига

Прошло больше года с тех пор, как умер отец. Катажина, мать, хоть и встала с печи, но уже не была прежней — сдала. Она редко выходила во двор, чаще сидела у окна, смотрела на поле и молчала. Войцех работал, но вечерами, когда возвращался домой, мать встречала его всё теми же словами: «Сынок, женись. Пока я ещё жива, погляжу на внуков». Он отмахивался, говорил: «Успеется, мама». Но она качала головой и повторяла: «Не оставляй меня без внуков».

Войцех не хотел жениться. Не то чтобы боялся — просто не думал об этом. Всё его время уходило на работу, на заботы о матери, на редкие посиделки с соседями. Но слова матери запали в душу, как зерно в сухую землю. Ждали они своего часа.

Тот час наступил в воскресенье, после обедни. Войцех, как обычно, зашёл в костёл на холме — маленький, деревянный, с покосившимся крестом на шпиле. Внутри пахло ладаном и старой древесиной. Свечи горели тускло, лики святых на иконах смотрели сурово. Войцех перекрестился, встал в сторонке, у самого входа.

Службу вёл ксёндз Лонгин, высокий, седой, с добрыми, но усталыми глазами. Он читал проповедь о терпении и любви к ближнему. Войцех слушал вполуха, потому что мысли его были далеко — о поле, о сене, о том, что завтра надо начинать косить. Но когда он поднял глаза, то вдруг заметил её.

Она стояла у левого придела, в простом сером платье, с платком на плечах. Лица её не было видно — она склонила голову и перебирала чётки. Но что-то в её позе, в том, как она держалась, заставило Войцеха замереть. Он смотрел, как её губы беззвучно шевелятся, как пальцы — тонкие, белые — скользят по деревянным зёрнам чёток. И вдруг внутри него что-то ёкнуло. Не то чтобы любовь — скорее, узнавание. Будто он уже видел её когда-то, но никак не мог вспомнить где.

Служба кончилась. Люди потянулись к выходу. Войцех задержался, сделал вид, что молится. Он ждал, когда она выйдет, и вышел следом, стараясь держаться на расстоянии. На паперти солнце ударило в глаза, и он зажмурился. А когда открыл — она уже шла по дороге, не спеша, переставляя ноги в стоптанных башмаках.

«Панна Ядвига» — вспомнил он. Так её звали. Дочь гончара Ясенецкого. Она жила на хуторе за лесом, и Войцех слышал о ней, но никогда не обращал внимания. А теперь он стоял, смотрел ей вслед и не мог отвести взгляда.

Домой он вернулся задумчивый. Мать заметила, спросила: «Что с тобой, сынок?» Войцех отмахнулся, но вечером, лёжа на печи, долго ворочался и не спал. Он думал о ней. О её тихой улыбке, о том, как она перебирала чётки. «Что со мной?» — удивлялся он. — «Я же её почти не знаю».

Прошла неделя. Войцех несколько раз ходил мимо хутора Ясенецких — издалека, чтобы не заметили. Он видел, как она выходит к колодцу, как несёт вёдра на коромысле, как развешивает бельё на плетне. Один раз она повернулась, и их взгляды встретились. Войцех быстро отвернулся и ускорил шаг, а сердце его колотилось, как у загнанного зайца.

В субботу, перед самой вечерней службой, он решился. Подошёл к Ядвиге прямо у костёла, когда она выходила после исповеди. Кашлянул, переступил с ноги на ногу и сказал:

— Панна Ядвига, можно слово?

Она подняла на него глаза — серые, спокойные, без тени удивления, будто ждала этого.

— Слушаю — ответила она.

Войцех смутился, но пересилил себя.

— Я Войцех Ворач, из Залесья. Батрак. Бедный. Но честный. Не пью, не бью, работаю. Возьмёте меня замуж?

Она не засмеялась, не покраснела, не отвернулась. Только чуть прищурилась и с улыбкой спросила:

— За муж девушку берут. А с чего вы взяли, что я пойду за батрака?

— Не знаю — честно ответил Войцех.

— Но вы мне... вы мне приглянулись. И мать велела жениться. А я других не знаю. Ядвига помолчала, потом усмехнулась — тихо, одними уголками губ.

— Ладно. Я подумаю. Приходите через неделю к отцу. Переговорим.

И пошла прочь, не оглядываясь. Войцех стоял, как вкопанный, и не мог поверить, что всё так просто. А потом улыбнулся и, не помня себя, побежал домой — сообщить матери.

Катажина заплакала от радости. Она принялась перебирать сундук, доставать старые рушники, прикидывать, что можно дать в качестве свадебного дара. Войцех смотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал, что тяжесть на плечах стала чуть легче.

Через неделю, в воскресенье, он приехал на хутор Ясенецких. Ехал верхом на лошади, которую одолжил у соседа, и всю дорогу молился, чтобы не упасть. Лошадь была норовистая, но Войцех справился. У дома его встретил Пётр Ясенецкий — приземистый, с крепкими руками, перепачканными глиной. Он внимательно оглядел Войцеха, потом спросил:

— Это ты, что ли, свататься приехал?

— Я — ответил Войцех.

— Проходи.

Пётр провёл его в горницу, усадил за стол, налил по чарке самогона. Ядвига стояла у печи, не вмешивалась. Пётр долго крутил ус, пил самогон, кряхтел, а потом сказал:

— Дочку я тебе отдам. Приданое дам: две овцы, три курицы, чугунок и сто грошей. Но смотри: если её обидишь — я тебя сам зарою в навозной куче. Не посмотрю, что ты батрак.

Войцех выпил свою чарку, крякнул и ответил:

— Не обижу, пан Пётр. Не умею я обижать. Я умею работать.

Старик хмыкнул, переглянулся с дочерью. Ядвига кивнула чуть заметно. И тогда Пётр встал, хлопнул Войцеха по плечу и сказал:

— Ну, будь, по-твоему. Живите.

Войцех вернулся домой с таким лёгким сердцем, что ему казалось — он летит, а не идёт пешком по просёлку. Мать ждала его у ворот, крестилась и плакала. А он обнял её и сказал:

— Всё, мама. Будет у тебя невестка. И внуки будут.

Катажина только кивнула и уткнулась ему в плечо. Войцех гладил её по голове и смотрел на поле, где уже темнела пашня. Впереди была свадьба, новый дом, дети. Всё то, о чём он даже не смел мечтать.

Глава 4. Свадьба

Свадьбу назначили на конец сентября, когда убрали хлеб и установилась сухая, ясная погода. Дни стояли теплые, но не жаркие, листья на березах уже тронула желтизна, а по утрам пахло дымком и прелыми листьями. Войцех сам выбрал день — в субботу, чтобы гости могли гулять до воскресенья, а в понедельник — снова за работу.

За неделю до торжества закололи поросёнка — последнего, которого откармливали всё лето. Ядвига с матерью напекли хлеба, пирогов с капустой и грибами, поставили брагу. Тесть Пётр Ясенецкий прислал бочонок самогона и двух гусей. Соседи одолжили скатерти, полотенца, лишние ложки и миски. Катажина, мать, хлопотала больше всех — перебирала рушники, гладила рубаху жениху, плакала от радости и шептала молитвы.

В субботу утром Войцех надел чистую рубаху, которую мать вышила специально для свадьбы — белый лён, на вороте красные петушки. Подпоясался шерстяным кушаком, сапоги начистил дёгтем. Волосы пригладил водой, бороду подровнял ножницами. Взглянул на себя в осколок зеркала, что хранился в сундуке, и сам себе улыбнулся. Не красавец, но крепкий, ладный. «Сойдёт» — подумал.

За невестой поехал на телеге, запряжённой гнедой кобылой, которую одолжил у соседа Мацея. Ядвига ждала у ворот хутора. На ней было белое платье, сшитое из самой тонкой холстины, на голове — венок из цветов. Лицо её покраснело от смущения и ветра, глаза блестели.

— Ну, панна Ядвига — сказал Войцех, протягивая руку, — едем?

— Едем — ответила она тихо.

Они не целовались при всех — не принято было до венца. Войцех только помог ей забраться в телегу, укрыл платком от солнца. Сзади сели дружки — Милош, племянник из соседней деревни, и Марылька, подруга невесты. Дорога до Залесья показалась Войцеху вечностью. Он всё оглядывался на Ядвигу, а она смотрела на поле, на лес, на небо — будто прощалась с девичеством.

Венчали в костёле на холме. Ксёндз Лонгин служил торжественно, с хором мальчиков. Войцех держал Ядвигу за руку и чувствовал, как её пальцы дрожат. Она стояла рядом, тихая, бледная, но улыбалась краешками губ. Свечи горели, ладан стелился сизым дымом, и Войцеху казалось, что сама Богородица смотрит на них с алтарной иконы и улыбается.

Кольца были медные — других не достать. Войцех надел кольцо Ядвиге на палец, она ему — и в этот момент он понял: всё. Теперь они одно целое. Куда он — туда и она.

После венчания вышли на паперть. Толпа гостей осыпала их зерном и хмелем — на богатство и на счастье. Войцех улыбнулся, прикрыл Ядвигу от летящих зерен, и они пошли к телеге.

Гуляли на поляне за овином. Столы склотили из досок, накрыли скатертями. В изголовье поставили букет из калины и колосьев. Гости собралось много — почти вся деревня. Детям велели не хулиганить, старикам уступили лучшие места.

На столе было всё, что могли собрать: каша пшённая с салом, жареный поросёнок с хреном, гуси с яблоками, квашеная капуста, солёные огурцы, хлеб ржаной и пшеничный, брага, самогон, кисель овсяный, пироги с грибами и с капустой. Также Ядвига испекла каравай — пышный, румяный, который положили перед молодыми. Войцех отломил кусок, обмакнул в соль и протянул жене. Она откусила, улыбнулась.

— Сладко? — спросили гости.

— Сладко — ответила Ядвига.

— А соли не много?

— В самый раз.

Старая тётка Ванда, сестра матери, произнесла тост:

— Дай Бог вам детей здоровых, достатка в доме и мира в сердцах. Чтоб душа в душу во век.

Музыкант был один — старый Игнатий, в шляпе, с гармошкой, которая издавала звуки то плачущие, то плясовые. Он играл без устали, покачиваясь на лавке. Когда он заиграл песню про вишневый сад, молодые встали в первый танец. Войцех обнял Ядвигу за талию, она положила голову ему на плечо. Они кружились медленно, не глядя на гостей, чувствуя друг друга.

— Ты теперь моя жена — шепнул Войцех.

— А ты мой муж — ответила Ядвига.

Потом пили за здоровье родителей, за пана Сенявского (чтобы не обижал налогами), за тех, кто в море, за тех, кого нет с ними. Войцех выпил кружку самогона, потом вторую, потом третью. Голова закружилась, но он не пьянел — только становился веселее и громче. Он целовал Ядвигу, обнимал её, а потом танцевал с ней такой бешеный танец, что у обоих закружились головы. Ядвига смеялась, отбивалась, но глаза её блестели.

К полуночи начали петь. Запевала старый дьячок Завада — голосом пел скрипучим, но за душу хватало. Подхватили все, и даже Катажина, мать, которая давно не пела, вывела тоненько:

«Ой, летите гуси за леса дремучи,

Ой, принесите счастья с краю не родного...».

Войцех слушал и чувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Он вспомнил отца. Представил, как тот сидел бы сейчас на почётном месте, выпил бы чарку и сказал: «Ну, сынок, достойная свадьба, достойная жена». Но отца не было. И Войцех выпил за него, за упокой, а после перекрестился. По обычаю, отдельную чарку Войцех налил отцу, который незримо с ним и поставил на пустое место.

Игнатий играл до тех пор, пока не упал лицом в капусту. Его отнесли в сени, укрыли тулупом. Без музыки гулянье поутихло. Гости начали расходиться — кто домой, кто прямо в стога досыпать. Остались самые близкие: Катажина, Пётр Ясенецкий с женой, дружки, старый Томаш.

Ночью, когда гости разошлись, Войцех с Ядвигой остались вдвоём в старой мазанке. Дом был маленьким, бедным, стены давно не белены, печь дымила. Но Ядвига не жаловалась — она знала, что это временно. Войцех обещал построить новый дом, и она верила ему.

Ядвига сидела на лавке, разутая, с распущенными косами. Платье сняла, осталась в длинной рубахе. Войцех стоял перед ней, сжимая в руках её платок, который забрал в танце.

— Боишься? — спросила она.

— Боюсь — признался Войцех.

— А вдруг я тебя не смогу прокормить? Вдруг придёт неурожай, или болезнь, или... сам не знаю.

— Вдвоём прокормимся — сказала Ядвига.

— У меня руки есть. И голова на плечах. А если Бог даст детей — и они нам помогут.

Войцех обнял её. Она пахла чем-то сладким, как мёд. Он поцеловал её в лоб, в щёки, в губы.

— Обещаю тебе — сказал он, — я никогда тебя не обижу. Я буду работать от зари до зари, но ты у меня ни в чём нуждаться не будешь.

— Я и не сомневалась — прошептала Ядвига.

Они лежали на застеленной лавке, слушали, как потрескивают дрова в печи, как за окном ветер шумит в соломе. Войцех смотрел в потолок и думал: «Вот она — моя жизнь. Начинается». И ему казалось, что с этого дня всё пойдёт по-другому. Лучше. Правильнее.

Он не знал тогда, какие испытания ждут впереди. Но сейчас, в эту минуту, он был счастлив. По-настоящему.

Глава 5. Строительство нового дома

Первым делом после свадьбы Войцех задумал построить новый дом. Старая мазанка, где он родился и вырос, была слишком мала для троих — его, Ядвиги и матери Катажины. Стены её давно прогнили, крыша протекала в четырёх местах, а печь дымила так, что зимой глаза слезились. Ядвига не жаловалась, но Войцех видел, как она кутается в платок по вечерам, как зябнет у остывшей печи. Мать же, Катажина, кашляла по ночам, и сын понимал: жить в такой тесноте и сырости дальше нельзя. И тогда он твёрдо решил: к следующей зиме они переедут в новый дом — все вместе.

Место для нового дома Войцех выбрал на пригорке, в полусотне шагов от старой мазанки. Отсюда открывался вид на поле — бесконечное, золотое, уходящее до самого леса. Здесь было сухо, ветер не задувал бы в окна, а по весне солнце прогревало землю раньше, чем в низине.

По воскресеньям, после обеда, Войцех ходил туда, втыкал колышки, мерил шагами. Ядвига иногда приходила с ним, молча смотрела, как муж ворошит землю, и улыбалась. Катажина тоже хотела посмотреть, но силы уже были не те — сидела на завалинке, крестилась и шептала: «Хорошее место, сынок. Благословляю».

Войцех объяснял жене, где будет горница, где сени, где кладовка. Ядвига слушала, кивала, а потом тихо спросила:

— А где будет спальня?

— За печью, отгородим досками, — ответил Войцех. — Чтобы детям было тепло.

Ядвига краснела при слове «дети» и отворачивалась. Но в глазах её светилась радость.

Строить начали весной, как только сошёл снег и подсохла земля. Лес для сруба Войцех выменял у пана Сенявского за месяц работы в поле. Пан был скуп, но справедлив: разрешил нарубить сто сосен в своём лесу за сорок дней косьбы. Войцех согласился, не торгуясь.

Брёвна возили на себе — он и его друг Мацей, здоровенный детина, который мог поднять телегу на одной руке. Мацей был весёлым, бесшабашным мужиком, который не боялся ни работы, ни выпивки. Они вдвоём ходили в лес, выбирали прямые, смолистые стволы, валили их двуручной пилой. Брёвна были сырыми, скользкими, тяжёлыми. Пот ручьём катился с лиц, но Войцех не жаловался. Каждое бревно казалось ему кирпичиком будущего счастья.

Ядвига приносила им обед в поле — картошку с салом, хлеб, квас. Катажина, несмотря на слабость, помогала по дому: пекла хлеб, ухаживала за курами, следила, чтобы в старой мазанке был порядок. Мацей шутил, что Войцеху повезло с женой и матерью, а Войцех молча улыбался. Он знал, что повезло.

Фундамент сложили из дикого камня, который собирали в овраге за лесом. Каждый камень весил пудов по десять, не меньше. Войцех надрывался, но таскал. Ядвига помогала носить раствор в ведрах — извёстку, песок, воду. К вечеру она падала без сил, но наутро вставала и снова шла помогать. Катажина, пересиливая боль в спине, выходила на порог, смотрела на работу и тихо молилась.

Стены поднимали медленно. Войцех сам тесал каждое бревно, подгонял паз к пазу, прокладывал мхом. Мацей подавал, поддерживал, иногда подсказывал — он был опытным плотником. К середине лета сруб стоял, крепкий, смолистый, пахнущий лесом.

— Добрый дом будет — сказал Мацей, вытирая пот. — На века.

— Дай Бог — ответил Войцех. — И мать в нём согреется, и дети когда-нибудь побегают.

Печь сложили из кирпича, который Войцех сам обжёг в выкопанной яме. Глина была местная, жирная, но он управился. Кирпичи получились неровными, но крепкими. Ядвига помогала месить раствор, стояла рядом, подавала кирпич за кирпичом. Печь вышла ладная, с широким устьем и лежанкой. Войцех сразу подумал: на лежанке мать будет греть свои старые кости.

Крышу крыли дранкой. Это заняло две недели — каждую дранку надо было расколоть, подогнать, прибить. Войцех работал от зари до зари, но уставал меньше, чем в поле. Потому что знал — это для себя, для своих.

К ноябрю, когда пошли первые заморозки, дом был готов. Небольшой, в три окна, с сенями и маленькой кладовкой. Внутри ещё пахло деревом, известью, мхом. Пол был земляной — его прикатали глиной и застелили толстыми холстами из грубой льняной пряжи. Стены законопатили мхом, чтобы не дуло. Окна затянули бычьим пузырём — стекла были дороги.

Перед праздником — Михайловым днём, они переехали. Войцех перенёс в новый дом мать — укутал её в тулуп как маленькую. Катажина крестилась, плакала и шептала: «Дождь, сынок. Дождь». Ядвига принесла из старой мазанки икону Божьей Матери, поставила в угол, зажгла лампаду. Войцех внёс топор, косу и мешок муки — чтобы в новом доме водилось добро. Сестра матери, тётка Ванда, прошла по комнатам с хлебом и солью, бормоча молитвы.

— Дай Бог счастья, дети — сказала Катажина. — И пусть в этом доме всегда будет у нас лад.

Войцех обнял мать, потом жену. Ядвига прижалась к нему, и он почувствовал, как у неё колотится сердце.

— Ну вот — сказал Войцех, оглядывая чистые стены. — Теперь это наш новый дом.

В доме было по-прежнему пусто — только стол, лавки, печь да икона в углу. Но для Войцеха это было богатство. Он верил, что со временем всё появится. Главное — они вместе, все трое, под одной крышей. Главное — есть дом, который он построил своими руками.

В первую ночь на новом месте они долго не спали. Сидели у печи, слушали треск дров. Катажина скоро задремала на лавке, укрытая тулупом. Ядвига положила голову Войцеху на плечо, и он подумал: «Вот оно — счастье. Тихое, без крика, без звона монет. Просто быть рядом со своими родными».

Он поцеловал жену в макушку и прошептал:

— Теперь у нас всё будет.

Ядвига ничего не ответила, только крепче прижалась к нему. А Катажина во сне улыбнулась — будто уже видела внуков, которые когда-нибудь побегают по этому новому полу.

Глава 6. Первый ребёнок

Янек родился через год после свадьбы, в августе, в разгар жатвы. Солнце стояло так высоко, что даже тень не спасала. Рожь поспела рано. Войцех в один из этих дней, как обычно, встал затемно — ещё звезды виднелись. Он перекрестился у иконы, глотнул кислого молока и вышел во двор. Ядвига осталась дома с Катажиной.

Она почувствовала схватки рано утром, когда только-только рассвело. Сначала подумала — показалось. Боль пришла и ушла, как волна. Она не стала будить свекровь, решила, что пройдёт. Но к полудню схватки стали чаще, сильнее, и Ядвига поняла: пора.

Она упала на колени, потом на пол, и закричала — громко, надрывно, так, что даже куры во дворе заметались.

Катажина, услышала крик, приковыляла из сеней — сгорбленная, с трясущимися руками, но с удивительно спокойным лицом. Она много лет назад сама рожала и помнила, что такое боль.

— Лежи, дочка, лежи — сказала она наклоняясь. — Не вставай. Я сейчас соседку позову.

Она вышла во двор, прошла к плетню и закричала — звонко, по-деревенски:

— Агата! Агата, иди сюда! У нас роды!

Агата была старой бабой, потрёпанной жизнью, с кривыми пальцами. Она приняла не один десяток детей и не боялась ни крови, ни криков. Прибежала быстро.

— Воды грейте — распорядилась она, переступая порог. — Чистой воды, много. И тряпки. И ножницы, если есть.

Катажина заметалась по избе — поставила чугунок с водой на печь, достала из сундука тряпье, нашла ножницы, протёрла их самогоном. Ядвига лежала на лавке и тяжело дышала. Лицо её стало белым, как мел, волосы прилипли ко лбу.

— Тужься, дочка — сказала Агата, опускаясь на колени перед ней. — Тужься, милая. Первый раз всегда трудно.

Ядвига закричала снова — долгий, низкий крик, похожий на стон раненого зверя. Катажина стояла в углу, крестилась и шептала молитвы.

Войцех был в поле, далеко от дома. Он косил рожь, размахивая косой широко и ровно. Уже к полудню спина заныла, но он не останавливался — нужно было убрать хлеб до дождей.

Он не знал, что дома началось самое важное.

Он узнал об этом, когда солнце клонилось к закату. Ярек, соседский мальчишка, прибежал к меже и закричал издалека:

— Дядька Войцех! Дядька Войцех! А у вас дома бабы кричат! Тётка Ядвига рожает!

Войцех выронил косу. Она упала в рожь, и лезвие глухо стукнулось о землю. Он не помнил, как бежал. Ноги сами несли его через поле, через межу. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

Когда он влетел во двор, из дома доносился крик Ядвиги — хриплый, надорванный, такой, что у Войцеха волосы встали дыбом. Он бросился к крыльцу, но на пороге столкнулся с матерью.

— Не входи! — закричала Катажина. — Жди! Твоё дело — ждать и молиться!

— Но я хочу помочь! — крикнул Войцех.

— Не можешь ты помочь, сынок — сказала мать спокойно, но твёрдо. — Это бабье дело. Иди лучше помолись.

Войцех отошёл, сел на завалинку, сжал голову руками. В ушах стоял крик жены. Он закрыл глаза и начал шептать:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Слова путались, сбивались. Он не был особенно верующим, но сейчас молился так, как не молился никогда.

В избе тем временем Ядвига кричала, кусала подушку, царапала лавку ногтями. Агата командовала:

— Тужься, говорю! Ещё раз! Ещё!

— Не могу — отвечала Ядвига. — Сил нет.

— Есть силы у тебя — сказала Агата. — У каждой матери есть.

Катажина поднесла кружку воды, Ядвига отпила, закашлялась. Потом закричала снова — и в этом крике было уже не только страдание, но и злость, и упрямство, и любовь.

И вдруг, когда солнце уже ушло, раздался новый звук. Тонкий, пронзительный — будто котёнок запищал, только громче.

Это кричал ребёнок.

— Сын! — крикнула Агата. — Сын у тебя, Ядвига! Парень!

Ядвига откинулась на лавку, закрыла глаза и заплакала. Плакала от облегчения, от боли, от радости — всего вместе. Катажина подбежала, перекрестила младенца, потом невестку, потом упала на колени и зашептала:

— Спасибо, Господи. Спасибо, что услышал.

Агата быстро обмыла ребёнка, завернула в чистую тряпицу и положила на грудь матери.

— Держи — сказала она. — Грей своим теплом.

Войцех услышал детский крик и замер. Потом встал, шагнул к крыльцу. Катажина уже стояла в дверях, утирала слёзы.

— Можешь войти, сынок — сказала она. — У тебя сын.

Войцех перешагнул порог. В избе пахло кровью, травами, потом и чем-то новым — сладковатым, незнакомым. Ядвига лежала на лавке, бледная, с распущенными волосами, но улыбалась. Рядом с ней, на подушке, лежал маленький свёрток.

— Иди сюда — прошептала Ядвига.

Войцех подошёл, опустился на колени. Увидел красное сморщенное личико, крошечные ручки, сжатые в кулачки, мокрые волосики.

— На тебя похож — сказала Ядвига.

— Похож — кивнула Катажина. — Вылитый Войцех.

Войцех осторожно взял сына на руки. Малыш был лёгким, как пух, но на плечи отца словно опустилась тяжесть — ответственность за новую жизнь. Он смотрел на маленькое личико и не мог вымолвить ни слова. Губы дрожали, в горле стоял ком.

— Янек — сказал он наконец. — Назовём Янеком.

Катажина перекрестилась и заплакала. Ядвига улыбнулась и закрыла глаза. Она была измучена, но счастлива.

В первую ночь Войцех не спал. Он сидел у печи, смотрел на жену и сына. Ядвига спала, положив руку на свёрток. Янек иногда всхлипывал во сне — тоненько, жалобно. Войцех подходил, поправлял ткань, гладил по головке.

«Теперь я отец — думал он. — Я должен их беречь. Работать. Не жаловаться. Чтобы у них было всё».

Он вспомнил своего отца. Как тот вставал рано утром, как пахал, как заботился о них. Казимеж не говорил о любви, но Войцех знал, что отец его любил. И теперь он сам стал таким же — немногословным, суровым, но готовым на всё ради семьи.

Войцех вышел на крыльцо, посмотрел на звёзды. Августовское небо было высоким и чистым, месяц узкий, как серп. Где-то далеко за полем кричала сова.

— Спасибо, Господи — прошептал он. — Спасибо за всё.

Он вернулся в избу, лёг на лавку рядом с Ядвигой и сыном, и уснул.

Через неделю Янека крестили. Ксёндз Лонгин пришёл в дом сам — уважил, потому что любил семью Ворачей. Он был уже совсем старым, с белыми, как молоко, волосами, с добрыми усталыми глазами. Янек кричал всё время, пока его мазали маслами и окунали в воду. Войцех держал сына на руках, чувствовал, как тот дрожит от холода и обиды.

— Терпи, сынок — шепнул он. — Это всего раз.

Ксёндз улыбнулся, вытер малыша, завернул в чистую пелёнку и передал крёстным. Крёстной стала Ядвигона подруга Марылька, а крёстным — Мацей.

— Дай Бог ему здоровья — сказал Мацей. — И силы. Чтобы вырос настоящим мужиком.

Ядвига в этот день надела чистое платье, повязала новый платок, зажгла лампаду перед иконой. В избе пахло ладаном и свежим хлебом — Катажина испекла каравай к крестинам.

За столом посидели недолго. Катажина, Ядвига с младенцем, Войцех, Мацей, Марылька и ксёндз Лонгин. Пили чай с мёдом, ели каравай, вспоминали покойного Казимежа.

— Он бы порадовался — сказала Катажина. — Увидел бы внука.

Войцех промолчал, но в душе согласился.

Потом гости разошлись. Ядвига уложила Янека в плетёную корзину, подвешенную к потолку. Войцех взялся за ремень и стал раскачивать корзину. Янек всхлипнул, потом затих.

— Он будет хорошим человеком — сказала Ядвига.

— Будет — ответил Войцех. — Он Ворач.

И в этих словах было всё — и гордость, и надежда, и вера в то, что жизнь продолжается.

Глава 7. Будни с детьми

Янек рос крепким мальчиком. К году он уже ходил, держась за лавку, а к двум — бегал по двору, дразнил кур и притаскивал в избу всё, что находил на земле: камешки, перья, сухие палки. Волосы у него были светлые, как лён, глаза — отцовские, серьёзные, с прищуром. Ядвига часто смеялась, глядя на сына: «Весь в тебя, Войцех — такой же молчаливый и упрямый». Войцех отмалчивался, но в душе гордился.

Катажина, бабка, души не чаяла во внуке. Она, несмотря на свою немощь, подолгу сидела с ним, рассказывала сказки про леших и водяных, учила молитвам. Янек слушал, открыв рот, а потом бежал к отцу и пересказывал услышанное, путая слова и выдумывая свои подробности. Войцех слушал, кивал, а иногда и сам добавлял что-нибудь.

Через два года Ядвига родила второго ребенка. Все ждали мальчика, но родилась девочка — слабенькая, маленькая. Назвали Малгожатой. Она была такой миниатюрной, что Войцех боялся брать её на руки — казалось, что хрупкие косточки могут сломаться. Ядвига месяц почти не спала, держала дочь у груди, прикладывала каждые два часа, молилась, чтобы выжила. Катажина поила её отварами трав, шептала заговоры. Войцех каждое утро заходил в избу и первым делом смотрел на свёрток в корзине — дышит ли?

Малгожата выкарабкалась. К году она уже уверенно сидела, а к двум — хохотала, хлопала в ладоши и тянула ручонки к отцу, когда он возвращался с работы. Янек очень любил свою сестру. Он был старше и относился к ней с какой-то взрослой нежностью. Строил для неё шалаши из веток, таскал с леса ягоды, защищал от деревенских мальчишек, которые дразнили Малгожату «плаксой». Войцех иногда заставлял их играющими во дворе: Янек вёл себя как маленький хозяин, объяснял сестре, что можно, а что нельзя, а она слушалась.

Жили не богато, но счастливо. Войцех каждый день, кроме воскресенья, батрачил у пана Сенявского. Тот платил зерном и иногда деньгами. Весной — пахота, сев; летом — сенокос, жатва; осенью — молотба, вывоз навоза на поля. Работа была тяжёлой, привычной, из года в год одной и той же. Войцех не жаловался. Он знал, что надо кормить семью.

Ядвига тем временем пряла шерсть, вязала носки и варежки на продажу. По вечерам, когда дети засыпали, она садилась за прялку, и монотонный звук веретена сливался с треском дров в печи. Иногда Войцех садился рядом и молчал. Они не нуждались в словах. Ядвига изредка поднимала голову, улыбалась ему, и он чувствовал, что это тихое «вместе» дороже любых богатств.

Катажина, несмотря на свои годы, помогала по дому, а также приглядывала за детьми, когда Войцех и Ядвига были в поле. Она уже плохо видела, часто путала посуду, но ни за что не хотела сидеть без дела. «Пока ноги носят — поработаю» — говорила она.

Подруга Марылька (та самая, что была крёстной у Янека), иногда подкидывала молока. Взамен Ядвига помогала ей шить или вязала что-нибудь. Так и жили — кто чем мог, тем и помогал.

Зимой жизнь замирала. Поля укрывались снегом, дороги заметало, и Войцех реже выбирался в усадьбу пана. Дни становились короткими — темнело рано, а светало поздно. Зато вечерами вся семья собиралась у печи. Войцех делал мелкую работу по дому, плёл верёвки, а иногда доставал старый псалтырь, подаренный ещё его отцом, и учил Янека читать.

Мальчик быстро схватывал, хотя буквы путал и читал по слогам, с трудом. «Бо-га бо-я-ти-ся, ко-ро-ля по-чи-та-ти» — выводил он, уткнувшись пальцем в страницу. Ядвига слушала, пряла, а Малгожата вертелась рядом, дёргала брата за рукав и требовала, чтобы он ей показал «картинки». Картинок в псалтыре не было, но Янек выдумывал их сам — рассказывал сестре про ангелов с крыльями и про страшного змея, которого побеждает добрый рыцарь.

Иногда Войцех рассказывал сказки — те, что когда-то сам слышал от отца. Про лесного духа, который помогает бедным, про золотую пшеницу, про то, как добро всегда побеждает зло. Дети затихали, слушали, прижавшись друг к другу. Катажина дремала на лежанке, и казалось, что так будет всегда. Тихо. Тепло. Надёжно.

У Войцеха, когда он смотрел на детей, в душе разливалось тепло.

«Вырастут — думал он. — Янек будет отцу помощником. Малгожата — матери».

Он не знал тогда, что этим мечтам не суждено сбыться.

Глава 8. Роковой вечер

Октябрь в тот год выдался сухим, но холодным. По утрам трава белела от инея, лужи затягивало тонким слоем льда, а изо рта шёл пар. Дни становились короче, солнце уже не грело, и люди торопились закончить все дела до наступления холодов.

Войцех в тот день работал у соседа, старого Станислава. Тот был мастером на все руки, но последнее время его глаза совсем сдали — он плохо видел в сумерках, часто жмурился и тёр веки. Телега, которую они чинили, развалилась ещё неделю назад, и Станислав никак не мог насадить колесо на ось.

— Держи крепче — сказал Войцех, подпирая телегу.

— Держу — кряхтел старик. — Да не вижу я, куда стучать. Чёрт бы побрал эту старость.

Войцех терпеливо подал ему молоток, потом зубило, потом ещё что-то. Станислав кряхтел, матерился, ронял инструменты. Но к вечеру они всё-таки справились.

В небе уже зажглись звёзды — яркие, холодные, словно льдинки. Войцех выпрямился, потянул затекшую спину, посмотрел на небо.

— Красиво — сказал он.

— Ага — буркнул Станислав. — Только холодно. Иди домой, Войцех. Твоя Ядвига, небось, заждалась.

Станислав налил ему на прощание чарку самогона — мутного, пахнущего сивухой. Войцех выпил, закусил коркой хлеба, поблагодарил и пошёл домой.

Дорога была пустынной. Деревня уже спала — в окнах кое-где мерцал свет, слышался лай собак. Войцех шагал быстро, чувствуя, как от самогона разливается тепло по жилам. Думал о своём: о сыне Янеке, о дочке Малгожате.

Дома его ждала похлёбка с куском чёрствого хлеба. Ядвига уже уложила детей и сидела у окна, поджидая мужа. Она улыбнулась, поцеловала его в щёку.

— Ешь — сказала она. — Я добавила туда грибов, что насобирала в воскресенье.

Войцех поел, перекрестился и лёг. Ядвига притушила лучину, легла рядом. В избе стало тихо.

Войцех не успел ничего подумать — он провалился в сон мгновенно. Ему приснилось поле. Рожь по пояс, золотая, колыхающаяся на ветру. А сверху такое солнце, что глазам больно. Ядвига стояла у межи, махала ему рукой, улыбалась. Он хотел подойти к ней, но не мог — ноги увязали в пашне.

А потом был грохот.

Такой, что стены дрогнули, и с полки упала глиняная миска, и разбилась вдребезги. Войцех ещё не открыл глаза, а уже знал: случилось что-то страшное.

— Открывай! Именем закона!

Сон разлетелся вдребезги, как та миска. Войцех сел на лавке, сжимая кулаки. Ядвига вскрикнула и прижала к груди Малгожату, которая заплакала. А в дверь уже ломились.

Это был не просто визит — это была беда. И она стояла на пороге.

Глава 9. Арест

Удар в дверь — не просто удар, а такой, что стены дрогнули, и с полки упала глиняная миска, и разбилась вдребезги. Войцех ещё не открыл глаза, а уже знал: случилось что-то страшное. Так в дом врываются только воры, чтобы убивать, или полиция, чтобы забирать.

— Открывай! Это приказ!

Дверь вылетела с петель с третьего удара. В сенях толпились люди в мундирах, с фонарями, с оружием. Войцех привстал на локтях, прищурился от света, который бил прямо в глаза.

— Лежать! Лицом в пол! Лежать, кому сказано!

Голос был злой, хриплый. Это была государственная полиция. Или жандармерия — Войцех плохо разбирался в этих чинах. Он только знал, что если они пришли ночью, то это не к добру.

— Войцех Ворач?

— Да, я.

— Ты арестован по обвинению в убийстве Яна Ковальского, мельника из Воля-Грушевской.

Войцех молчал. Он не знал никакого Ковальского. Может, и слышал фамилию, но никогда не видел в глаза. Тем более убивать? Зачем? Для чего? У него не было даже повода.

— Ошибка — сказал он наконец. — Я никого не убивал. Я вообще не знаю того, кого вы назвали.

— Разберутся — ответили ему.

Ему не дали даже одеться как следует. Он накинул на тело рубаху, на ноги — вязанные носки, поверх — грубые ботинки. Ядвига закричала. Её оттолкнули в сторону, когда она попыталась броситься к мужу.

— Куда вы его берёте? За что? Он честный человек! Соседи подтвердят!

— Молчать! — рявкнул усатый мужчина. — Не мешать правосудию.

Правосудие. Войцех услышал это слово и едва не рассмеялся. Какое правосудие ночью, с выломанной дверью, с криками?

Проснувшиеся дети и мать плакали. Янек вылез из-за занавески и закричал: «Батя! Батя!» А Малгожата просто села на колени к бабушке, и они вдвоем тихо выли, как зверьки, попавшие в капкан.

Войцех не обернулся. Он боялся, что, если обернётся — не выдержит, начнёт биться, и его пристрелят прямо на глазах у семьи. А так он хотя бы останется жив, чтобы потом попытаться вернуться.

Они вывели его на улицу, поставили на колени на мёрзлую землю и обыскали. Нашли медный грош в кармане. Забрали. Документов у Войцеха не было — какие документы у крестьянина? Только справка о крещении, которая хранилась дома, но она никому была нужна.

Соседи уже стояли у своих плетней, крестились, шептались. Кто-то сочувствовал, кто-то уже радовался: «А мы всегда знали, что этот Ворач — тёмная личность. Всегда». Войцех слышал этот шёпот и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

В уездном городе, который назывался Новогрудок, была старая тюрьма. Серое здание с облупившейся штукатуркой, с решётками на окнах, с запахом кислой капусты и мочи, который чувствовался ещё на улице. Его завели через чёрный ход, спустили по каменным ступеням в подвал. Ступени были скользкими от сырости, и Войцех едва не упал.

Камера, куда его бросили, была размером с кладовку. В длину — четыре шага, в ширину — три. Пол из битого кирпича, стены из булыжника, кое-где замазанные извёсткой. В одном углу — параша, ржавое ведро с ручкой, от которого разило так, что первое время не хоте-

лось дышать. В другом углу — деревянные нары, вернее, подвешенные доски, без матраса, без подушки. На досках лежала какая-то тряпка, пахнувшая потом и ещё чем-то кислым.

Войцех сел на нары, обхватил голову руками и сидел так, наверное, час. В голове был шум, как после удара. Он не мог поверить, что это происходит с ним. С ним — честным работягой, который никого не трогал, который платил налоги и не нарушал законов. За что?

В соседней камере кто-то плакал — глухо, с подвываниями, как собака. Войцех прислушался. Плакал мужчина. Плакал так горько, что даже стены, казалось, содрогались. Потом плач сменился кашлем, а потом наступила тишина. В этой тишине Войцех впервые за много лет почувствовал настоящий, липкий, животный страх. Он боялся не смерти (он не думал, что его убьют). Он боялся, что больше не увидит Янека, не обнимет Малгожату, не услышит голоса Ядвиги и мамы.

На третьи сутки к нему подсадили сокамерника. Старого, сморщенного мужика с жидкой седой бородой, с воспалёнными красными глазами и трясущимися руками. Мужика звали Юзеф. Он сидел за кражу — стащил мешок муки из амбара пана, когда его семья голодала. Срок был небольшой, всего три месяца, но Юзеф сидел уже четвёртый, потому что кто-то из работников правоохранительной системы перепутал срок и записал его как пять месяцев.

— Ты главное — сказал Юзеф, кашляя в кулак — не спорь. Скажут «признавайся» — кивай. Скажут «подписывай» — подписывай. Всё равно они сделают так, как хотят. А если будешь упираться, будут бить.

— Но я невиновен — сказал Войцех. — Как я могу признаться в том, чего не делал?

Юзеф посмотрел на него с жалостью: «Милок, им плевать, виноват ты или нет. Им нужен виноватый».

Через пять дней его повели на допрос. Конвоир — здоровенный мужик с багровым лицом и бычьей шеей — схватил Войцеха за шкирку и поволок по коридору. Пол был каменным, холодным, по нему скользили ноги.

Следователь сидел в маленькой комнате с высоким окном, затянутым решёткой. На столе лежали бумаги, чернильница, перо, стояла кружка с водой. Сам следователь был немолодым, с усами, в чине, который Войцех не мог разобрать. Он говорил на ломаном местном наречии, с сильным акцентом. Войцех понял, что это человек, присланный из центра.

— Садись — сказал следователь, указывая на табурет перед столом.

Войцех сел. Руки его дрожали, но он старался держать спину прямо.

— Ты убил Яна Ковальского?

— Нет. Я не знаю такого.

— Не знаешь? А вот свидетель говорит, что знаешь. И что ты угрожал ему.

— Никому я не угрожал. Я вообще не знаю, о ком вы говорите.

Следователь поднял глаза. У него были ледяные, пустые глаза, в которых не было ничего — ни злости, ни сочувствия, ни любопытства. Только холод.

— Слушай сюда, крестьянин. Если ты признаешься сейчас, тебе дадут несколько лет каторги. Если нет — будет хуже. Намного хуже.

— Я не могу признаться в том, чего не делал.

Следователь вздохнул, как учитель, который устал от глупого ученика. Он кивнул конвоиру, и тот, не говоря ни слова, ударил Войцеха кулаком в висок. Свет померк на секунду, в ухе зазвенело. Потом ещё удар — в спину, в почки. Войцех сполз с табурета на пол, свернулся калачиком, но удары продолжали сыпаться.

— Будешь признаваться?

Войцех приподнял голову. Из разбитой губы текла кровь.

— Нет.

Следователь махнул рукой, и Войцеха уволокли обратно в камеру.

Через месяц, когда Войцех уже привык к побоям и баланде, в камере появился адвокат. Это был старик в потрёпанном сюртуке, с очками на остром сгорбленном носу, с кожаным портфелем. Адвоката звали пан Адам Новак. Он был государственным защитником — его назначали тем, у кого не было денег на частного адвоката.

Пан Новак выглядел усталым. Мешки под глазами, жёлтые от никотина пальцы, сгорбленная спина. Он выслушал историю Войцеха, покивал и сказал:

— Дело плохое. Есть свидетель, который чётко на тебя показывает — как на убийцу. И ему поверят, потому что других подозреваемых нет.

— Но я невиновен!

— Я знаю. — Пан Новак почесал затылок. — Но суду нужен результат. А результат — это виновный. Ты удобно попался: бедный, без связей, никому не нужный.

— А что же вы, пан адвокат? Вы не можете меня защитить? Помочь мне?

— Могу. Но меня никто не слушает. Я старый, больной. Судья — женщина. Её зовут Ванда Лясоцкая. Она недавно назначена, ей хочется показать себя. Она будет судить строго. Прокурор — молодой карьерист. Мы не выиграем.

Пан Новак помолчал немного. Потом добавил: «Я не спасу тебя. Но я обещаю, что сделаю всё, что могу».

Он встал, пожал Войцеху руку и ушёл.

Глава 10. Суд

Суд назначили на декабрь. Морозы стояли такие, что птицы падали на лету, а дыхание застывало белым облаком. Войцеха подняли затемно — ещё когда за окнами тюрьмы было черным-черно, и только редкие звёзды дрожали на небе. Конвоир, даже не заглянул в камеру, просто открыв дверь ударил об нее дубинкой и рявкнул: «Подъём, Ворач! Твой звёздный час».

Войцех не спал. Он не спал уже несколько ночей. Всё ворочался на нарах, слушал, как храпит сокамерник Юзеф, как скребутся крысы за стеной, как где-то далеко, в глубине тюремного коридора, кто-то плачет. Мысли путались. Он перебирал в голове свою жизнь: поле, Ядвига, дети, новый дом. Всё это казалось теперь нереальным, будто не с ним было, а с кем-то другим.

— Обувайся — скомандовал конвоир. — И не копайся.

Войцех собрался. Руки его дрожали, но не от холода. Он вышел в коридор — и в нос ударил знакомый запах тюрьмы: кислой капусты, махорки, мочи и давно не стиранного белья. Запах, который стал для него родным за эти месяцы. Он уже привык к нему, как привыкают к собственной боли.

В суд его везли в закрытой карете — чёрной, без окон, с железной решёткой вместо двери. Внутри было темно и тесно. Войцеха толкнули на скамью, рядом сел конвоир. Карета тряслась на ухабах, и Войцеха бросало из стороны в сторону.

Здание суда оказалось серым, с высокими колоннами у входа. На крыше — орёл с отбитым клювом. Конвоиры подхватили его под локти и повели вверх по каменным ступеням. Коридоры давили тяжестью. Где-то плакал ребёнок, где-то ругался охранник на арестанта. Войцех шёл, стараясь не смотреть по сторонам. Он боялся увидеть в чужих глазах то, что уже видел в своей камере — безнадёжность.

Зал суда оказался достаточно большим — скамьи на двадцать мест, дубовые панели на стенах, портрет главы государства над креслом судьи. Окна высокие, затянутые решётками, свет едва пробивался сквозь мутные стёкла. В углу висела икона Спасителя, но лик был тёмным, почти неразличимым. Казалось, что и Бог не хочет смотреть на этот суд.

Народу было мало. Вдова убитого в чёрном платке сидела на первой скамье, вытирала глаза платком. Двое зевак из города — чиновник в белой рубаше и какой-то старик — присели сзади, чтобы было лучше видно. Писарь уже сидел за своим столиком, обмакивал перо в чернильницу. Прокурор — молодой, с холёным лицом и блестящими пуговицами на мундире — раскладывал бумаги с важным видом.

Адвокат пан Новак уже был на месте. Он сидел за столом защиты, сгорбившись, и перебирал какие-то листки. Выглядел он ещё хуже, чем в камере: лицо серое, под глазами синие мешки, руки тряслись так, что он никак не мог попасть пером в бумагу. Войцеху стало жаль старика. Пан Новак поднял глаза, встретился с ним взглядом и едва заметно кивнул. Этот кивок был слабее, чем надежда, но Войцех зацепился за него, как утопающий за соломинку.

Войцеха поставили за деревянную ограду. Места там было мало — не присесть, только стоять, опираясь на барьер. Руки его были в наручниках, и он чувствовал, как железо впивается в запястья. Он попробовал их ослабить, но конвоир тут же ударил его кулаком в спину: «Не дёргайся».

Судья Ванда Лясоцкая вошла в зал в десять часов. Высокая, худая, с жёстким пучком на затылке. На ней была чёрная мантия, которая делала её похожей на ворону. Лицо — ни улыбки, ни злобы, только ледяная официальность. Она села, поправила мантию, взглянула поверх очков на прокурора, потом на Войцеха. Этот взгляд длился не больше секунды, но Войцех запомнил его на всю жизнь. В нём не было ни сомнения, ни сочувствия, ни даже любопытства.

«Она уже всё решила» — подумал Войцех. И сердце его упало куда-то вниз и замерло.
— Встать, суд идёт! — объявил секретарь.

Все встали. Войцех уже стоял, опустив руки с наручниками вниз. Кто-то кашлянул в зале. А после навалилась такая густая тишина, что слышно было, как за окном каркает ворона.

— Прошу всех сесть — сказала судья.

Судья попросила прокурора зачитать обвинение. Слова были тяжёлыми, казёнными: «умышленно причинил смерть из корыстных побуждений», «особая жестокость», «отсутствие раскаяния». Прокурор читал монотонно. Войцех слушал и не узнавал себя. Будто речь шла о чудовище, а не о нём, не о мужике, который всю жизнь работал в поле.

— Подсудимый, вы признаёте свою вину? — спросила судья.

Голос её был такой же ледяной, как и взгляд. Войцех поднял голову, посмотрел на неё прямо. Ему хотелось крикнуть: «Вы что, не видите? Не видите, что я не такой?» Но он сдержался, потому что знал: криком ничего не добьёшься.

— Нет, ваша честь — сказал он. — Я не убивал. Я никогда никого не убивал. Я даже драться ни с кем не дрался.

Судья поджала губы, пометила что-то в своих бумагах.

— Слово прокурору.

Прокурор встал, откашлялся. Он говорил гладко и уверенно. Сыпал цитатами из показаний свидетеля, зачитывал протокол осмотра места происшествия, ссылаясь на «совокупность улик». Улики были смехотворными: какой-то обрывок верёвки, найденный за три версты от места убийства, и чьи-то показания, что «Ворач и есть убийца».

— Прошу приговорить подсудимого к двенадцати годам каторжных работ — закончил прокурор и сел, довольно улыбнувшись. Его пуговицы блеснули в тусклом свете.

— Слово защитнику — сказала судья.

Пан Новак поднялся медленно, с трудом. Он опёрся руками на стол, чтобы не упасть. Очки его сползли на кончик носа. Начал говорить тихо, но постепенно голос его окреп, в нём даже появилась какая-то сила.

— Ваша честь, в этом деле нет ни одного прямого доказательства. Ни одного! — Он поднял палец вверх. — Свидетель, который показывает на моего подзащитного — это человек, который сам находится под следствием. Я думаю, что он торгует показаниями, как рыбой на базаре. Разве можно верить такому человеку?

Он перевёл дыхание и продолжил:

— У моего подзащитного нет мотива. Он не знал убитого, никогда с ним не встречался. У него нет оружия, да и никто не искал оружие. Согласен, возможно у него нет алиби — но только потому что никто не потрудился его искать. Соседи готовы подтвердить, что Войцех Ворач — человек мирный, работающий, никогда не буянил. Но суд отклонил ходатайство о допросе свидетелей защиты.

Пан Новак замолчал, вытер пот со лба. Голос его задрожал.

— Я прошу оправдать Войцеха Ворача за отсутствием состава преступления. Это единственно справедливое решение.

Судья слушала с каменным лицом. Когда адвокат закончил, она помолчала несколько секунд. Потом спросила:

— Защитник, вы можете привести свидетелей, которые подтвердят, что подсудимый не был на месте преступления в момент убийства?

— Я просил допросить его жену и соседей — ответил Новак. — Суд отклонил ходатайство.

— Суд посчитал его необоснованным — отрезала Лясоцкая.

— Свидетели защиты не могут дать показаний о фактах, которые не наблюдали лично. Тем более данные свидетели заинтересованы в помощи подсудимому и могут исказить правду. У вас есть ещё что добавить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.